

**ЖИЗНЬ - ПОДВИГ
НИКОЛАЯ
ОСТРОВСКОГО**

Иван Осадчий

Жизнь – Подвиг
Николая Островского

«ИТРК»

2014

Осадчий И. П.

Жизнь – Подвиг Николая Островского / И. П. Осадчий —
«ИТРК», 2014

Книга профессора Ивана Павловича Осадчего – известного исследователя и пропагандиста жизни и творчества Николая Островского – приурочена к 110-летнему юбилею писателя. И это не только заслуженная дань таланту борца за светлое будущее человечества, не щадившего себя на пути к этой прекрасной цели. Это гимн Человеку, который сам преодолевал, казалось бы, непреодолимые препятствия. Человеку, который своим примером, а также ярким художественным словом учил других не поддаваться обстоятельствам, не паниковать, а находить в себе силы жить и добиваться великой цели во имя Свободы, Равенства, Счастья, которые – и он в это верил – непременно станут нормой жизни на Земле! Вся жизнь Николая Островского – пример служения своему долгу, верности своим убеждениям – явилась подвигом и воплощена в его романе «Как закалялась сталь», ставшим бестселлером советской эпохи. Знание о жизни Николая Островского и его романа будет интересно и полезно для современного читателя.

© Осадчий И. П., 2014

© ИТРК, 2014

Содержание

Вместо предисловия	7
«Жизнь делать с кого?»	14
I. Жизнь-подвиг Николая Островского	18
Кто же он, этот Человек, ставший родным братом миллионам?	20
Необходимое отступление	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иван Павлович Осадчий
Жизнь – Подвиг Николая Островского

© И.П. Осадчий, 2014

© Издательство ИТРК, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Есть только две формы жизни: горение и гниение. Мужественные и щедрые избирают первую; трусливые и жадные – вторую...
А.М.Горький

Вместо предисловия

В 2014 году исполняется 110 лет со дня рождения Николая Островского – автора бессмертной книги «Как закалялась сталь» – легендарного писателя легендарной советской страны.

Прожил он всего 32 года, но вся его мужественная жизнь была подвигом. И сам писатель, и главный герой его книги – Павел Корчагин – стали легендарными еще при жизни. На их образах воспитывались миллионы и миллионы людей не только в советской стране, но и во всем мире. Героический, творческий и нравственный подвиг Николая Островского – немеркнущий подвиг на века.

Но это в понимании честных людей. Сейчас же, в условиях воцарившегося в России криминального капитала, «правят бал» иные идейные и нравственные принципы.

Усилиями «ново-русских» хозяев России разрушен не только мощный экономический потенциал, созданный в советскую эпоху героическим, самоотверженным трудом всех поколений советских людей.

Чудовищный вандализм «ново-русских» реформаторов-реставраторов капитализма нанес гигантский урон социальной и духовной сфере общества, науке, культуре, просвещению, составлявшим особую гордость советского народа, являвшимися величайшим завоеванием социализма, основой советской жизнерадостности, оптимизма, уверенности в завтрашнем дне.

Объявлены фальшивыми не только все героические свершения советского времени, но и массовый героизм советского народа, какого не знала история человечества. Вот уже четверть века опошляются и предаются забвению имена и подвиги легендарных героев – строителей и защитников социалистического государства, прославивших советскую Отчизну, советскую эпоху, удививших весь мир.

...В нынешней «ново-русской» России нередко можно слышать: «Сейчас не время советских героев. Не то общество. Не тот политический климат. Не те жизненные ориентиры. Не те идейные и нравственные принципы». Мне представляется такое мнение не просто спорным, но и в корне не верным. Особенно для людей, которым претит атмосфера социального неравенства, духовной нищеты, нравственного растрепанности, эгоизма, стяжательства, жажда наживы, равнодушные к судьбе народа и страны. Между тем, этими пороками переполнена жизнь в нынешней России.

Вот он – фронт борьбы: очищение общества от классового антагонизма, социальной несправедливости, рабской психологии, бездуховности, от всего уродства и мерзости, угнетающих человека, разрушающих его облик и общество.

Вряд ли можно бороться и побеждать любое зло и бедствие без мужества, идейной и нравственной стойкости, могучей воли, сильного духа: «Кто не горит – тот коптит. Это – закон». (Николай Островский).

Именно мужество, горение, идейную и нравственную стойкость, неукротимую жажду борьбы, смелость и решимость завещали нам герои советской эпохи. И потому сейчас, как никогда прежде, людям, особенно молодежи, нужны идейные и нравственные ориентиры, яркие примеры самоотверженной борьбы, подвигов, которые обессмертили имена Николая Островского и созданного им всемогущего Павла Корчагина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Юрия Смирнова, молодого гвардейцев, Алексея Маресьева, генерала Дмитрия Карбышева и медсестры Зинаиды Тусноловой-Марченко, других легендарных героев советского времени.

Сама жизнь и состояние нынешнего российского общества характеризуются непримиримым социальным антагонизмом, порожденным господством криминального капитала и столь

же криминальной, коррумпированной власти. Они зовут к борьбе, протесту, к сопротивлению, избавлению страны от социальной несправедливости, нравственных пороков, к переустройству государства и общества на социалистических принципах.

...Загляните в интернет, на сайт «Советской России». Там всегда многолюдно, и во весь голос звучат призывы к бесстрашию и непримиримой борьбе с многоликим социальным и нравственным злом, духовной нищетой, раболепием и прочим уродством, испоганившим нашу жизнь; и указывающие ориентиры и цели борьбы: возрождение советского народовластия (трудовластия), социалистических, социальных и духовно-нравственных ценностей, оптимизма, классовой солидарности и братства трудящихся всех наций и народностей, великой могущественной и прекрасной советской державы и одухотворенной жизни.

...Посмотрите «Правду» за второе полугодие 2013 года. На ее страницах шел взволнованный разговор читателей разных возрастов и профессий по вопросам, которые нередко звучат в нынешней сложной и жестокой жизни в «ново-русской» России: «Считаете ли вы образы героического самопожертвования и сегодня необходимыми в воспитании молодежи?»

Инициатор этого большого диалога – американский профессор словистики Джонатан Платт, работающий над книгой и фильмом о Зое Космодемьянской. Я в полной мере разделяю позиции абсолютного большинства читателей, отозвавшихся на его обращение решительным «Да!».

Особенно четко и убедительно прозвучало на страницах «Правды» мнение однополчанки Зои Космодемьянской – 90-летней Клавдии Сукачевой и 12-летней школьницы Лизы Володиной из поселка Неверино Пензенской области.

Из письма Клавдии Сукачевой: **«Эти образы теперь нужны даже больше, чем вчера...** В свое время я часто проводила уроки мужества в школах и других учебных заведениях, в трудовых коллективах. Помню, как в день 100-летия Николая Островского выступала перед старшими школьниками в центральной детской библиотеке района Орехово-Борисова Южное (г. Москва). Ребята слушали меня, затаив дыхание. А по окончании моего выступления каждый попросил дать ему книгу «Как закалялась сталь». Но в библиотеке был только один экземпляр этой книги! И на нее сразу стали записываться в очередь».

А это мнение школьницы Лизы Володиной: **«Ты, Зоя, есть и всегда будешь олицетворением вечно живого героического духа русского народа, советского народа».**

Даже в условиях нынешней России возрождается комсомол, пионерская организация юных ленинцев. А для них имена и образы Павла Корчагина, Зои Космодемьянской, многих других легендарных советских героев – ярчайший пример – на кого равняться, «жизнь делать с кого», чему отдавать силы, знания, во имя чего жить и бороться.

В самом начале своего комментария к откликам читателей «Правды» на его обращение, Джонатан Платт пишет:

«Я согласен с мнением читателей... что подвиг Зои обязательно надо рассматривать как продолжение революционных традиций и как отражение общих усилий 30-х годов двадцатого века – создать нового человека коммунистического будущего. Ценность и самопожертвование, самоотдача в борьбе за лучший, справедливый мир составляли сердцевину этого проекта (независимо оттого, насколько он реализовался), и их, безусловно, надо сохранить сегодня.

...Героическое самопожертвование таких советских людей, как Зоя, настоящих «детей революции», которые погибли в невообразимом числе во время войны, – во имя бесценной победы, спасшей мир от уничтожения, – вот это и есть самое главное достижение мирового социализма, но и его великая трагедия».

Ясно, что это оценка сталинского времени, в котором не только ковались «счастливые ключи», но и создавался человек, способный построить новый, счастливый мир и защитить его.

В этой связи мне представляется нелогичным мнение Джонатана Платта, содержащееся в его комментарии, «что не надо идеализировать сталинское время, как какой-то рай обще-

ственной гармонии». Это утверждение противоречит логике его рассуждений, которые приведены выше.

«Раем», в том понятии, как принято говорить об этом явлении, сталинское время не было. Знаю о нем не понаслышке, не по книгам и кинофильмам, а по жизни. Жил я в нем в зрелом возрасте, трудился, был солдатом последнего военного призыва (1944 год). К тому же, я – историк. Тем более, речь идет о прошедшей эпохе, за правдивое, объективное освещение которой сейчас никто не платит и не награждает. Как, впрочем, и за правду о сегодняшней жизни. Поэтому «берегу честь» и пишу только святую правду о жизни, какой она была и какой она является сегодня.

По ленинско-сталинским планам мы строили не «рай», а «новый мир», основанный на трудовласти и социальной справедливости. Это было суровое, трудное, сложное время. Роскоши не было и в помине, да мы о ней и не думали. Довольствовались реальными возможностями того времени и той жизни.

Не говоря уже о большем даже хлеба вдоволь, порой, не хватало. Жили по принципу: «хлеба горбушку и ту пополам». Как писал наш великий поэт Владимир Маяковский: «И кроме свежесмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо...», – это была норма потребности советских людей в тех условиях, в которых они трудились и защищали свое социалистическое Отечество.

Сталинская эпоха – 30-40-е годы, Великая Отечественная война, восстановление страны из руин и пепла после войны. О каком «рае» в такое время можно говорить? Но была жизнь – светлая, яркая, вдохновенная, оптимистическая. Мы были возвышенными романтиками, мечтателями, энтузиастами. Мы знали, во имя чего живем, творим, строим. Знали, что защищаем. Мы были одержимыми. Нам все было по плечу. Мы были готовы к любым испытаниям.

Именно поэтому сталинская эпоха дала истории нашей страны, да и не только нашей страны, дала миру неисчислимое множество героев, каких он раньше не знал, – героев, готовых к самоотверженному труду и борьбе, к самопожертвованию во имя любимой Отчизны, строившей новую жизнь, – радостную и счастливую.

...Сталинская эпоха – самая вдохновенная и самая эффективная по результатам из всех периодов советской истории. За две довоенных сталинских пятилетки была преодолена технико-экономическая отсталость. Было построено и введено в действие 6 тысяч новых промышленных предприятий. К концу второй пятилетки Советский Союз по объему промышленного производства вышел на второе место в мире и на первое в Европе. Сельское хозяйство, в связи с проведенной коллективизацией, стало самым крупным и механизированным в мире.

В царской России 80 процентов населения было неграмотным и малограмотным. В 1937 году советская страна стала страной сплошной грамотности: осуществлялось всеобщее 7-летнее образование, и намечался переход к всеобщему среднему.

Была преодолена нищета большинства народа, унаследованная от старого мира. Реальная зарплата за две пятилетки выросла более чем в два раза. Была ликвидирована безработица – главное бедствие капитализма. В начале первой пятилетки было полтора миллиона безработных. Последний безработный – житель Москвы Михаил Шкунов – получил путевку на работу 13 марта 1930 года, в третий год первой пятилетки. Все последующие годы советская страна испытывала недостаток рабочих рук.

В стране была осуществлена великая культурная революция.

Зарубежный мир назвал эти гигантские достижения русским, советским «чудом». И это при том, что Советский Союз находился в положении «осажденной крепости», в условиях постоянной военной угрозы, военной опасности, агрессий и провокаций империалистов.

Следствием сталинской эпохи стала немеркнущая всемирно-историческая победа советского народа над германским фашизмом, спасшая человечество от коричневой чумы.

Следствием этого стал гигантский трудовой подвиг советского народа в послевоенные годы по восстановлению страны из руин и пепла – последствий жесточайшего фашистского нашествия.

Всё это вместе – сталинская эпоха. Поэтому она не нуждается в «идеализации». Она сама говорит за себя исторической правдой.

Следствием советского времени стали фантастические достижения советского народа во всех областях общественного прогресса, вершиной которого стал прорыв в космос советского человека – первого в мировой истории...

Только такая эпоха, какой было сталинское время, могла стать эпохой небывалого массового ратного и трудового героизма, удивившего и потрясшего мир своими подвигами и победами.

...Однако, как свидетельствуют отклики читателей на обращение Джонатана Платта, есть и другие мнения. Они настораживают и огорчают. На них сделал акцент и сам инициатор диалога с читателями. В своем комментарии он пишет: «Я согласен, что Павел Корчагин – не герой нашего времени». И тут же, словно спохватившись, высказывает свое сомнение: «Но все-таки слова Зои с эшафота о том, что надо бороться, еще звучат, еще грызут совесть... А как на них отвечать? Как сегодня бороться? Это самый главный вопрос сегодняшнего дня... Мы видим, что акции прямого насилия бывают бесполезными – они сразу становятся горючим топливом для медиа-спектакля и погружают нас глубже в общую систему страха».

Выскажу свое мнение: в нынешнем российском обществе действительно присутствует эта самая «атмосфера страха», которую постоянно поддерживает и нагнетает правящий режим. Но мне представляется, что сегодняшнее российское общество больше поражено не столько страхом, сколько безразличием и равнодушием, порожденным ложью, обманом, цинизмом «отцов демократии» разного калибра и услужливыми СМИ. Их стараниями большинство обездоленных и угнетенных людей «ушло в себя», разочаровалось во всех и во всем, довольствуется тем что есть.

Теперь еще об одном спорном положении, прозвучавшем в «Правде» в ходе многомесячного диалога Джонатана Платта с читателями: «К.Солодуб прав, что сегодня стало не понятным, за что именно молодежь поднялась бы в борьбе. Кажется, везде лежит обман, и скрываются нити какой-то нечеловеческой власти. Героев, по-моему, нет, и возможно долго еще не будет... – пишет Джонатан Платт. – Мой проект о Зое исходит из... чувства тоски по героической эпохе социализма. Это не ностальгия. Я ведь стал сознательным человеком только в 80-е годы, когда неолиберализм одержал свои первые победы, а СССР оказался не в силах сопротивляться. С тех пор мир движется к новому варварству. Но моя тоска ищет не восстановления великого прошлого, а выхода к другому будущему...»

И снова автор, словно сомневаясь в правильности этого собственного утверждения, тут же пишет: «Все равно я согласен, что поколение 30-х годов двадцатого века, – действительно потрясающее поколение... Думаю, наша задача – не только помнить и чтить этих людей, но и искать историческую спираль, которая движется от них к нам... преобразуется в рифмующийся звон и указатель движения вперед».

Я бы не стал посвящать столько внимания комментарию американского профессора к диалогу с читателем, который шел в течение многих месяцев на страницах «Правды». Но в нем присутствуют не только сомнения и сиюминутные толкования ряда важных моментов, обнаруженных им в письмах читателей, но главным образом, – стремление докопаться до истины, разобраться в сути сложных и противоречивых суждений читателей. Им движет желание понять, осмыслить и верно оценить и далекую сталинскую эпоху, и нынешнюю «ново-русскую» реальность. Такой подход заслуживает уважения...

Известный журналист-правдист В.С.Кожемяко, подводя итоги состоявшейся дискуссии в «Правде» по вопросам Джонатана Платта, высказывает свое мнение: «Собственно, все отклики

на вопросы, поставленные профессором Питтсбургского университета, тоже следует считать этапом борьбы за эту правду и стремление многих сегодня глубже осмыслить природу массового советского героизма. Вопросов было восемь, но суть их для абсолютного большинства наших читателей так или иначе связана с радикальным изменением строя, происшедшим в нашей стране.

Вместо социализма – капитализм. Вместо советской власти – буржуазная. Отсюда и отношение этой власти, близких ей СМИ к памяти тех, кого в основе они не считают своими. Отсюда всяческие попытки оклеветать их образы или, что несколько не лучше, извратить, приспособив к собственным «трактовам» и «концепциям». Скажем, патриоты, но не советские; подвиг, но без коммунистической идеологии и т. п.

Однако остается коренной вопрос, по-разному звучащий во множестве писем. Власть и ее СМИ от этого вопроса всячески уходят, но люди думают о нем и ставят его. Размышляя, необходимо ли героическое самопожертвование сегодня, очень четко написал, например, Сергей Николаев из города Сураж Брянской области: «А защищать самоотверженно в нынешних условиях придется кого и что – страну справедливости или капиталы олигархов?»

Колоссальная основополагающая разница между Советским Союзом и теперешней Россией! И если героическое самопожертвование действительно требуется, то... сегодня в первую очередь и больше всего, – для утверждения в нашем обществе социальной справедливости»... («Правда», 23 декабря 2013).

...Правда в том, что политически, идеологически, морально наш народ изморожен и оболванен ренегатами-предателями, могильщиками Советского Союза и Советской власти, «вождями» коммунистов Горбачевым, Яковлевым, Ельциным и их духовными единомышленниками. В людях убита вера в правду и справедливость, порождено разочарование в любой власти. Большинство запуганных и оболваненных циничной ложью, остается безмолвным, равнодушным. Но всему приходит конец. Придет конец терпению и большинства обездоленных людей. Наступит их пробуждение. «Россия вспрынет ото сна» (А.Пушкин). Так было не раз в российской истории. Придет такой час и в нынешней России.

Все больше российских людей видит в нынешнем господствующем слое антинародную власть. А народ наш за всю свою историю научился бороться против классового гнета, за социальную справедливость, за социализм. Так что образы Павла Корчагина и других легендарных героев советского времени очень нужны.

...На протяжении многих десятилетий я в большой дружбе с музеем Николая Островского в Сочи. Хорошо знаю, что и в настоящее время многие десятки тысяч людей ежегодно приходят в музей за мужеством и вдохновением писателя и его всемирно известного героя – Павла Корчагина. Очень часто бывают зарубежные делегации, особенно из Китайской Народной Республики. Там снова и снова переиздают книгу «Как закалялась сталь»; на ее основе создают кинофильмы и театральные спектакли. Ради чего? Им нужен Павел Корчагин, как легендарный боец за «новый мир», нужен пример всей его жизни.

Я уже сказал, что он нужен и нашему народу. Нашей молодежи в особенности. Нужен всем, кто не равнодушен к судьбе своей Отчизны, своего народа, к своему будущему, к будущему своих детей и внуков. Я не одинок в этих своих убеждениях.

Историю, как память, убить нельзя. Она нетленна. Как бы в ответ и в пику всему роду клеветников, сочинителям гнусной лжи, к вековому юбилею Николая Островского были изданы его произведения и книги о нем, которые в одночасье стали достоянием благодарных читателей. Одной из самых заметных стала книга «Николай Островский – человек и писатель – в воспоминаниях современников», вышедшая в свет в 2002 году в издательстве «Дружба народов». В том же году эта книга издана также издательством «Русская история». Ценность этих книг – в новизне многих материалов, содержащихся в них, и их хронологической последова-

тельности. По такому же принципу составлена и миниатюра «Планета Островского», вышедшая в свет в 2004 году.

В том же юбилейном году было опубликовано письмо группы выдающихся деятелей культуры и литературы, руководителей ряда общественных организаций, адресованное министру образования РФ: «Пусть вновь Корчагин закаляет юных». Под ним подписи ряда лиц, имена которых не просто всемирно известны, но стали легендарными благодаря их вкладу в развитие советской культуры, литературы, поэзии, музыки: Ольга Лепешинская, Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Оскар Фельцман, Ольга Ульянова и другие.

Авторы письма, справедливо негодуя по поводу того, что нынешние «реформаторы» от педагогики, «взяв курс на разрушение лучшей в мире системы образования» и внедрение западных моделей, выхолостили до неузнаваемости всю систему образования Российской Федерации, дав «зеленый свет» не только экспериментаторам от педагогики, но и некомпетентным и лживым авторам учебников, искажающих историю России. Резко сократили число часов, отведенных для литературы. Из числа обязательных для изучения исчезли многие произведения русской и советской классики, помогавшие учащимся ярче понять место России в мире, приобщиться к духовным ценностям своей родины.

Из утвержденной министерством образования обязательной программы исчез и роман «Как закалялась сталь». Авторы письма считают, что настало время исправить эту несправедливость».

Письмо министру заканчивается следующими словами: «Близится юбилей Н.А.Островского. 29 октября 2004 года писателю исполнилось бы сто лет. Мы верим, что ваше министерство, руководствуясь принципами гуманизма, присущими русской национальной школе, сочтет возможным вернуться к изучению в учебных заведениях страны жизни и творчества писателя Н.А.Островского, включит его роман «Как закалялась сталь» в обязательную программу и вернет тем самым российским детям образ жизни яркий и достойный.

...Президиум Центрального Совета Общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) своим решением активно поддержал это предложение: «Мужественная жизнь-подвиг и немеркнущая книга Николая Островского «Как закалялась сталь» всегда будут иметь непреходящую ценность для человечества...» (газета «Буревестник», № 2–4 за февраль-апрель 2004 года).

Власть осталась глуха и нема к этим благоразумным призывам. Она боится героев советской эпохи, их влияния на умы людей, особенно молодежи. Она продолжает насаждать в обществе мракобесие, невежество, ложь и фальшь о советской истории и ее героях, убивает все светлое, вдохновенное, прекрасное, что было создано советским временем, творческой мыслью выдающихся советских писателей, поэтов, драматургов, советским кинематографом.

Но одно неоспоримо. При любом поведении «ново-русской» власти общество не останется равнодушным и «явочным порядком» вернет любимых советских писателей и созданных ими героев народу, нынешним и завтрашним поколениям. Об этом говорят факты, а факты – упрямая вещь! На протяжении всего минувшего десятилетия, отделяющего нас от векового юбилея Николая Островского, и сейчас, в связи с его 110-летием, – ряд российских издательств, федеративных и региональных, издают «Как закалялась сталь», книги о Николае Островском. Они не оседают на складах издательств и книжных магазинов. Они тут же становятся достоянием читателей...

...Я всегда с безграничным чувством признательности и восхищения относился к таланту великого советского киноактера, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Василия Ланового, ставшего Павлом Корчагиным в знаменитом кинофильме А.Алова и В.Наумова, отражающем его подвиг. И сегодня горжусь непоколебимой верностью В.Ланового советскому времени, идеалам своего легендарного киногероя, по оценкам самого киноактера – «самого советского, самого коммунистического».

Меня глубоко взволновал рассказ В.С.Кожемяко о В.С.Лановом и его нынешней жизненной позиции, опубликованный в «Правде» за 14–15 января 2014 года, в канун 80-летия со дня рождения замечательного актера. Повествуя о Василии Лановом, о встречах с ним, о высокой планке его таланта, его идейной стойкости и нравственности, автор пишет:

«Если признать истиной, что все мы родом из детства, то сильнейшим детским впечатлением стала для Василия первая встреча с романом «Как закалялась сталь». А произошла она в украинском селе во время немецкой оккупации. Школьный учитель Николай Иванович приносил эту книгу в класс и, плотно закрыв дверь, потихоньку читал ее ребятам. Они были предупреждены: если кто-то узнает об этом, то немцы его повесят. Никто не узнал!

Так вот не может предать Лановой ни того учителя, ни свое детство, ни великую книгу и поставленный по ней выдающийся фильм...»

А теперь слово самому актеру:

«Иногда ехидные журналисты меня спрашивают: «Ну и как теперь относишься к Павке Корчагину?» А теперь я к нему отношусь еще лучше, в тысячу раз лучше. Говорю: дай Бог каждому из вас иметь детей, которые во что-то святое верили бы так, как верило это поколение...

Понимаете, в определенном смысле вся идеология государства строилась на идеалах Павки Корчагина, то есть Николая Островского, и мы были воспитаны на этом. Все поколения Советского Союза были воспитаны на этой книге!

Естественно, не могло обойти это и меня. Если говорить о влиянии роли на актера, я не могу сказать, что все роли на меня влияли... Но Павка в этом ряду стоит все-таки особливо, потому что это необыкновенный по силе образ и, повторю, это была идеология государства. Мы те фильмы делали чистыми руками. У нас сомнения на этот счет не было...»

Полностью солидарен с В.С.Кожемяко: «Искусство В.С.Ланового органически сплавлено с прожитой жизнью. Как же предать ее сегодня!»

...Нынешнее состояние культуры в «ново-русской» России очень удручает и угнетает Василия Ланового. Он по-настоящему страдает, видя чем заполнены телеэкраны. И вот, пожалуй, самый верный и самый точный ответ на вопрос о месте и роли Павла Корчагина и других легендарных героев советской эпохи в нынешней России, да и не только в России, в нынешней жизни, в борьбе за те высокие и светлые идеалы, которые вели их на подвиги во имя преобразования мира, во имя построения и защиты нового мира, имя которому – социализм. Он звучит из уст Василия Ланового:

«Нравственное оскудение, а то и потеря героя – неестественное состояние для искусства. Человек всегда хочет видеть рядом с собой людей благородных, честных, сильных духом, верных, способных на подлинные человеческие чувства, на совершение поступков, двигающих общество вперед. И герой, несущий добро и справедливость, способный пробудить спящую совесть, поднять людей на правое дело, – вечен, как вечны сами понятия добра и зла». («Правда», № 2 за 14–15 января 2014 года).

«Жизнь делать с кого?»

Память не в силах удержать сплошную цепь событий, многоликий и многослойный образ целой эпохи, промелькнувший в одночасье на коротком отрезке человеческой жизни. Но... Как там у Маяковского:

*Когда я итожу
то, что прожил,
И роюсь в днях -
ярчайший где,
Я вспоминаю одно и то же -
двадцать пятое, первый день...*

Для меня таким днём стало 7 ноября (25 октября) 1937 года, День 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Мне в 1937-м исполнилось 10 лет. Тот день запомнился двумя событиями, разными по характеру и значению. Но оба они связаны с празднованием 20-летия Октябрьской революции.

Седьмого ноября 1937 года в Барвенково стояла прохладная погода. Почти весь день моросил мелкий осенний дождь. Но это нисколько не сказалось на радостном возбуждении взрослых и детей. Праздничное настроение было у всех.

И хотя страна жила небогато, Советская власть заботилась о том, чтобы люди ощутили юбилей Октября, воплощение его идей. После демонстрации и общегородского митинга на центральной площади города мы с сестрой отправились на детский утренник в контору «Заготзерно», где работал отец.

Там был концерт детской самодеятельности; каждому участнику утренника вручили праздничные подарки. Потом было катание на машине. В открытом кузове «полуторки», по меньшей мере, часа два (а может и три) нас возили по улицам Барвенково. Несмотря на осеннюю непогоду, мы были наверху блаженства. Радость была безграничная. Ни на минуту не умолкали песни, веселье, смех, жизнерадостное «ура!».

Это была первая и едва ли не единственная довоенная праздничная прогулка на машине, и потому она запомнилась на всю жизнь. В прекрасном настроении вернулись домой.

...В тот праздничный вечер произошло ещё одно событие, во многом определившее содержание и смысл всей моей жизни. Накануне, на пионерской линейке в школе, «за отличную учёбу и примерное поведение» мне вручили книгу В.Кожевникова «Тансик». Я уже её читал и потому, полистав, отложил в сторону. А попросил у сестры её «премиальную» книгу в сером переплёте. На обложке – серебряный штык и молодая зелёная ветка, а над ними название – «Як гартувалася сталь». И ещё выше – фамилия автора: Николай Островский. До того дня я не знал ни автора, ни его книги. И потому удивился: «Для чего сестре – пятикласснице вручили книгу о производстве стали. По недоразумению?» Но не отложил, а начал выборочно прочитывать отдельные эпизоды. Очень скоро убедился, что книга интересная, и принялся за сквозное чтение. Далеко за полночь мама погасила керосиновую лампу и почти насильно уложила спать. Ночь была без сна: такое сильное впечатление было от прочитанных страниц и от желания угадать дальнейшую судьбу Павки Корчагина и его друзей.

Ранним утром я снова уселся за книгу и уже не мог оторваться от неё; даже за обеденным столом не расставался с ней. А после ужина уговорил маму и сестру читать книгу вслух. Начали с первой страницы. И за несколько вечеров прочли её, пережив вместе с Павкой Корчагиным всю его драматическую, мужественную жизнь. Сколько глубоких волнений и искренних горя-

чих слёз было за эти напряжённые, тревожные вечера. Фактически у меня стало с тех дней два отца: реальный и духовный.

Дочитав последнюю страницу книги, я долго не мог успокоиться, продолжая жить судьбами Павки Корчагина, Серёжи и Вали Брузжак, других её героев. Снова и снова возвращался к самым волнующим эпизодам книги. Поистине потрясающим было впечатление от прочитанного.

В те дни я твёрдо решил для себя: идти по пути Павла Корчагина. Он стал для меня всем: самым верным и надёжным другом, учителем, наставником, путеводителем, судьёй всех дел и поступков. Он покорила меня своим мужеством, волей, целеустремлённостью, нравственностью своего поведения, поступков и мыслей. Сколько раз я читал и перечитывал «Как закалялась сталь» – не подсчитывал. Одно могу сказать: великое множество. Впрочем, как и все книги и статьи о ней и её легендарном авторе – писателе-коммунисте, вышедшем из первого поколения комсомола, – Николае Алексеевиче Островском. Он определил мою судьбу, жизненные ориентиры, всю мою жизнь.

На протяжении всей жизни я постоянно находил в книгах Николая Островского, в его статьях, выступлениях, письмах ответы и советы по всем вопросам и проблемам, которые возникали у меня.

Скажу больше: многие нормы и критерии жизни самого писателя и его литературного героя Павла Корчагина стали неоспоримыми и безусловными для меня. Они формировали мой характер, помогали жить и достигать поставленной цели.

Основополагающими принципами в жизни, как и для великого множества людей, стали для меня мудрые советы Николая Островского, сформированные им на опыте собственной жизни-борьбы, жизни-подвига:

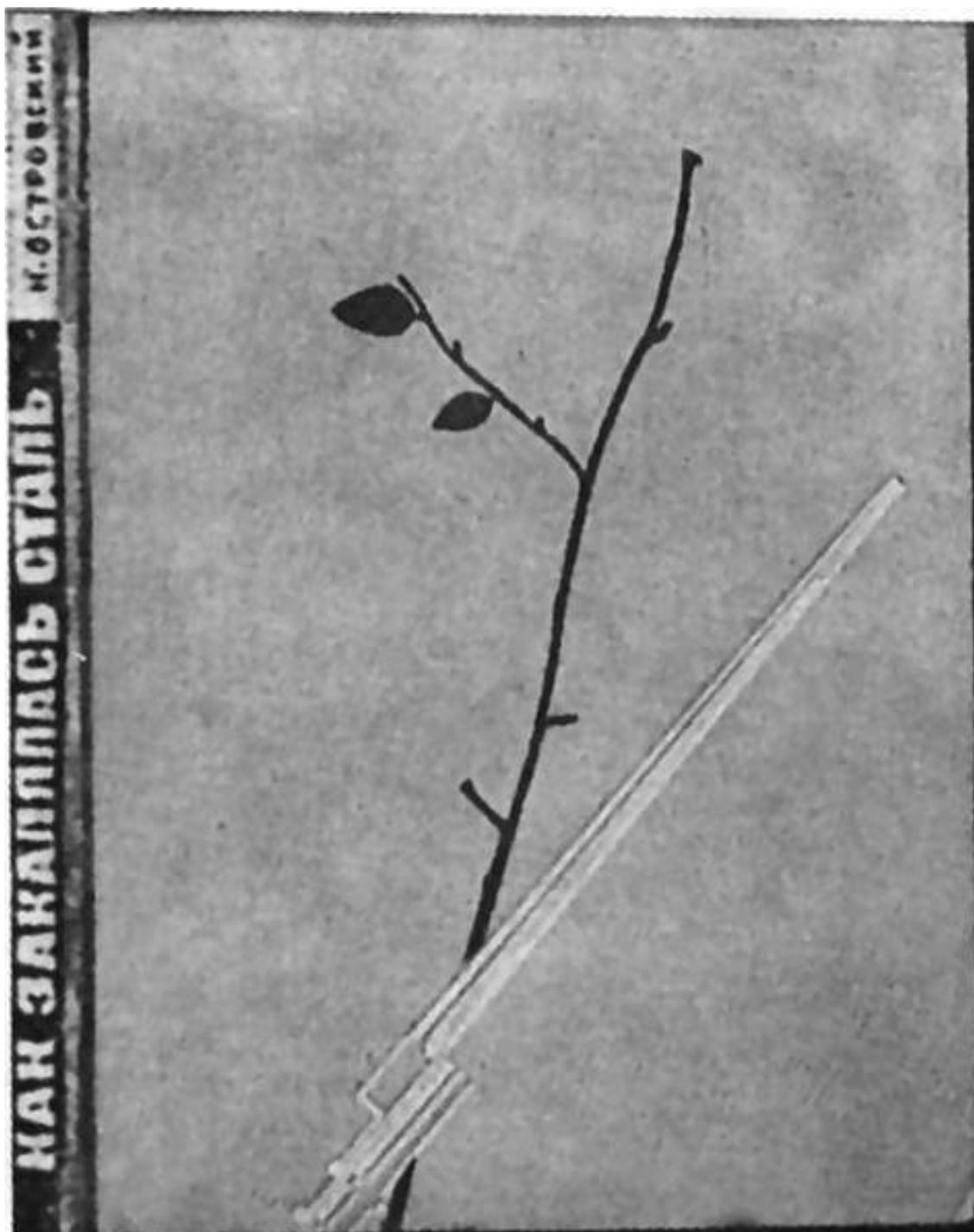
«Мужество рождается в борьбе с трудностями и проверяется испытаниями... Только вперёд, только на линию огня. И только к победе и никуда больше»... Этому девизу я старался следовать всегда.

Почему так значителен образ Николая Островского, подвиг всей его жизни? Николай Островский – ровесник Валерия Чкалова, Полины Осипенко, Паши Ангелиной, Алексея Стаханова. Он принадлежал к тому поколению советских людей, которое вошло в сознательную жизнь в годы Великой Октябрьской социалистической революции; которое росло, мужало и закалялось в битвах гражданской войны; к тому счастливому поколению, которое стало первопроходцем социалистического строительства в нашей стране. Это было первое поколение Ленинского комсомола.

...В 1966 году ЦК ВЛКСМ учредил почётное звание «Лауреат премии Ленинского комсомола». Его присваивали за особые заслуги самым достойным и самым талантливым воспитанникам комсомола. Первым лауреатом премии Ленинского комсомола по праву стал правофланговый всех комсомольских поколений Николай Островский.

Почётный знак был передан жене писателя, тогдашнему директору Московского музея Николая Островского – Раисе Порфирьевне Островской 2 февраля 1967 года. Выполнение этой торжественной миссии было поручено первому космонавту СССР Юрию Алексеевичу Гагарину. Его ассистентами были: Людмила Павличенко, Герой Советского Союза, легендарный советский снайпер, и близкий друг Николая Островского, автор одной из лучших книг о Николае Островском – Пётр Новиков. Вручая премию, Юрий Гагарин сказал:

«Мы превыше всего ценим такие произведения нашей литературы и искусства, которые раскрывают цельные, героические характеры. Ведь на примерах подвигов лучших сынов учила нас Родина-мать храбрости, целеустремленности, упорству, ясности цели. И не случайно поэтому комсомол назвал своим первым лауреатом Николая Островского, чья жизнь и литературное творчество, как он сам выразился, это – «капля росы, в которой отразилось солнце партии».

Обложка первого издания книги Н.А.Островского «Как закалялась сталь»

Его нет с нами, но его духовное завешание – бессмертный Павка Корчагин – всегда в рядах комсомола. Равняясь на него, наше и грядущие поколения будут выковывать сталь большевистских характеров, стремиться только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе, и только к победе и никуда иначе...» (П.Новиков. «Счастье быть бойцом». М., «Молодая гвардия», 1984, стр.279).

С кого же должны были мы делать жизнь свою, как не с Николая Островского, воспевшего и в книгах своих, и жизнью своей первое поколение борцов за власть трудового народа, строителей Нового Мира?!

I. Жизнь-подвиг Николая Островского

В мае 1932 года вышел в свет апрельский номер журнала «Молодая гвардия». Рядом с новыми стихами Николая Асеева и отрывками из повести Юрия Яновского «Всадники» в нем были опубликованы первые главы романа Николая Островского «Как закалялась сталь», сразу принесшие неизвестному до того писателю заслуженную бессмертную славу.

К рукописи романа, поступившей в редакцию, была приложена автобиография автора:

«Родился в 1904 году в рабочей семье. По найму работать стал с 12 лет. Образование низшее. По профессии – помощник электромонтера. С 1915 по 1919 годы работал по найму: кубовщиком, рабочим материальных складов, подручным кочегара на электростанции. Участвовал в гражданской войне. В комсомол вступил в 1919 году, в партию – в 1924 году.

В 1921 году участвовал в строительстве железнодорожной ветки Боярка – Киев для подвоза дров, где тяжело заболел, простудившись и поймав тиф.

По выздоровлении, с начала 1923 года был снят с производства по состоянию здоровья и послан на другую работу, в пограничный район. В 1923 году был военным комиссаром ВВО (всеобщего военного обучения – прим И.О.) в Берездове. Последующие годы вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе. В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем, искалеченный тяжелыми годами борьбы, был отозван в распоряжение ЦК Украины. Было сделано все к тому, чтобы вылечить меня и вернуть на работу, но это до сих пор не удалось. Будучи оторван от организационной работы, стал агитпропщиком: вел марксистские кружки, обучал молодых членов партии. Будучи прикован к постели, выдержал ещё один удар – ослеп. Оставил кружки. Последний год посвятил работе над книгой.

Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу (выделено – И.О.). Работа над книгой – попытка передать былое литературным языком. Никогда раньше не писал.

Член ВКП(б), партбилет 0285973. Николай Алексеевич Островский».

...На 24-м году жизни «физически потерял почти все». Но страшные удары, обрушившиеся на Николая Островского – слепота и неподвижность – не вызвали у него ни отчаяния, ни безнадежности, а, напротив, заставили собрать все свои силы, чтобы «быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу». Отвечая как-то на вопрос: «Как Вы стали писателем?», Николай Островский говорил:

«Болезнь вывела меня из строя. Я не мог быть среди вас, перестал двигаться, видеть. Жизнь поставила передо мной задачу овладеть новым оружием, могущим вернуть меня в ряды наступающего пролетариата. Писать можно не видя и не двигаясь. О чем писать? Товарищи мне сказали: «Пиши о том, что сам видел, пережил. Пиши о тех, кого знаешь, о среде, из которой вышел, о тех, кто под знаменем партии боролся за власть Советов». С этого я и начал. Это основная тема книги «Как закалялась сталь».

Старый большевик Иннокентий Павлович Феденев (в романе «Как закалялась сталь» показан под фамилией Леденева), принесший рукопись книги Николая Островского в редакцию «Молодая гвардия», сказал, что она «не рукотворно написана, а продиктована фраза за фразой, страница за страницей».

Много лет Николай Островский не видел солнца. Но свет для него не погас: идеи нового мира озаряли его путь, укрепляли его душевные силы, делали его непобедимым и всепобеждающим.

«Партия воспитывает в нас священное чувство – бороться до тех пор, пока в тебе есть искра жизни, – говорил он. – По совести сказать, очень хочется побить рекорд долголетия. Ведь чертовски хороша жизнь в нашей стране!».

Рукопись первой части романа была отправлена в редакцию. Николай Островский с большой тревогой ждал «приговора». И в хмурый февральский день, ставший одним из самых счастливых дней в его жизни, пришла весть о победе: книга принята к печати.

Как воспринял Николай Островский эту весть, видно из его письма к бывшему командиру полка, в котором он сражался в годы войны:

«Я выбрался из инвалидного болота на передовую линию борьбы и труда. Я никогда не думал, что жизнь принесет мне такое огромное счастье!».

В 1934 году вышла из печати вторая часть романа. В 1935 году «Как закалялась сталь» была издана отдельной книгой.

Вспоминается рассказ матери писателя Ольги Осиповны, которую он любовно называл своим «бессменным часовым», – о том, как Николай Островский впервые встретился со своим романом «Как закалялась сталь», изданным отдельной книгой. Узнав, что тираж первого издания книги 10 тысяч экземпляров, Николай Островский с нескрываемой радостью и гордостью воскликнул: «Десять тысяч новых штыков вступили в бой за социализм!».

Когда Николая Островского спросили, почему он назвал роман «Как закалялась сталь», писатель ответил:

«Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных испытаниях и училось не падать перед жизнью».

... Читательские отклики, горячие и взволнованные, в большом количестве поступавшие Николаю Островскому, в редакцию журнала, в издательство, где печатался роман, говорили о том, что книга оставила глубокий след в сердцах людей самых различных возрастов и профессий, стала «учебником мужества», «нержавеющим оружием»...

Кто же он, этот Человек, ставший родным братом миллионам?

Родился Николай Островский 29 сентября 1904 года в живописном украинском селе Вилия Острожского уезда на Волыни. Там же прошло его раннее детство.

Отец трудился зимой солодовщиком на винокуренном заводе, а летом скитался в поисках поденной работы. Мать шила, стирала, нанималась в кухарки к «господам». Однако родители не в состоянии были прокормить семью, и поэтому должны были работать и дети.

Об условиях, в которых проходило детство рабочих и крестьян в самодержавной буржуазно-помещичьей России, Николай Островский писал: «...Наше детство было под ярмом капитализма... Вместо радостной юности, радостного детства нас ждал изнурительный капиталистический труд с утра до поздней ночи буквально за кусок хлеба».

...Летом 1914 года началась мировая империалистическая война. Много страданий принесла она трудовому народу. Осенью 1914 года жители пограничных сел Вилия, где жила семья Островских, и Турия, в котором вместе с отцом 10-летний Николай находился на заработках, были эвакуированы на Восток: приближался австро-германский фронт. В одном из беженских обозов кочевала семья Островских и после нескольких недель мытарств поселилась в Шепетовке. Вскоре Коля начал работать кухонным мальчиком станционного буфета на вокзале. Два года мыл грязную посуду, таскал помои. «Почти ребёнок, я познал на своей спине всю тяжесть каторжного труда при капитализме», – говорил Николай Островский. Этот период в его жизни хорошо отражен им в романе «Как закалялась сталь» на примере детства Павла Корчагина.

«Я начал работать с 11 лет, – вспоминал впоследствии Островский. – Я работал по 13–15 часов в сутки. Но меня все-таки били. Били не за плохую работу, – я работал честно, а за то, что не даю столько, сколько хозяину хотелось взять от меня. Я знаю, что такое гнет капиталистической эксплуатации».

Но даже в таких условиях Коля Островский рос пытливым и любознательным; от книги его трудно было оторвать. Гарибальди, Спартак, Овод – борцы за свободу народа – вот его любимые герои, на которых он хочет походить, так же, как они, побеждать трудности и страдания, быть мужественным, смелым, не знать страха смерти. Только книги и скрашивали безрадостную жизнь не по годам вдумчивого, развитого мальчика. Они помогали ему разорвать «душный круг жутких впечатлений», открывали новый мир, внушали веру в свои силы.

«Ничего я не любил так, как книги, – рассказывал впоследствии Николай Островский. – Ради книг я готов был пожертвовать всем. Служа мальчиком на кухне, я отдавал свой обед газетчику за то, что он разрешал мне в короткие часы ночного перерыва читать журналы и газеты».

Очень часто Коля с увлечением рассказывал своим родным и друзьям содержание наиболее взволновавших его книг, нередко внося в эти рассказы значительную долю собственной фантазии.

В речи на собрании партийного актива города Сочи 23 октября 1935 года, посвященном награждению его орденом Ленина, Николай Островский рассказал об одном таком случае из его подростковой жизни: «Помню, мне было тогда двенадцать лет. Я работал мальчиком в кухне станционного буфета... Я принес с трудом добытую книгу – роман какого-то французского писателя... В этой книге, я прекрасно помню, был выведен самодур-граф, который от безделья издевался над своим лакеем, изощряясь в этом, как только мог – щелкал его неожиданно по носу или кричал на него вдруг так, что у того подгибались со страху колени. Читаю я про все эти штучки своей старушке-матери, и стало мне невмоготу. И вот, когда граф ударил лакея по носу так, что тот уронил на пол поднос, – вместо того, чтобы лакею униженно улыбнуться и уйти, как было у автора, я, полный бешенства, начал крыть по-своему.

Правда, при этом французский изящный стиль полетел к черту, и книга заговорила рабочим языком. «Тогда лакей обернулся до этого графа, да как двинет его по сопатке! И то не раз, а два, так что у графа аж в очах засветило...».

– Погодь, погодь! – вскрикнула мать. – Да где же это видано, чтобы графьев по морде били?

Кровь хлынула мне к лицу:

– Так ему и надо, подлюге проклятому! Пущай не бьет рабочего человека!

– Да где же это видано? Не поверю. Дай сюда книжку! – говорит мать. – Нет там этого!

Я с бешенством бросаю книжку на пол и кричу:

– А если и нет, то зря! Я б ему, негодяю, все ребра переломал бы!

Вот, товарищи, ещё ребенком, читая подобные рассказы, я мечтал о таком лакее, который даст сдачи графу, – сказал в завершение Николай Островский. – Может быть, это и было начало моей писательской карьеры, – правда, не совсем удачное».

И поэтому, «когда партия Ленина позвала наших отцов на штурм капитализма, мы, молодежь, почти дети, также бросились в бой за нашу молодость, за наше счастье. Мы хотели прекрасной, счастливой жизни, и мы шли рядом со своими отцами завоевывать свое счастье», – писал Николай Островский.

В ходе Октябрьской революции, как и повсеместно, в Шепетовке был создан волостной ревком – первый вестник новой рабоче-крестьянской власти. Тринадцатилетний Коля Островский был в числе активных помощников ревкома, выполняя самые различные его поручения. В это время Николай работал сдельно на материальном складе железнодорожной станции, а затем подручным кочегара на городской электростанции. В свободное от работы время он старательно учился в двухклассном училище. В его свидетельстве об успехах и поведении за 1917–1918 учебный год из 60 годовых отметок – 56 «пятерок» и 4 «четверки».

...Небольшой городок Шепетовка был важным стратегическим пунктом: здесь сходились пять железнодорожных магистралей. За Шепетовку красноармейские части вели ожесточенные бои с немцами, петлюровцами, белополяками. Как вспоминал Николай Островский, Шепетовка до 30 раз переходила в годы гражданской войны из рук в руки.

Когда в 1918 году красные части временно оставили Шепетовку, четырнадцатилетний Коля Островский, рискуя жизнью, набросился на конвоира-петлюровца, помог скрыться матросу-большевику Федору Передрейчуку, который впоследствии послужил писателю прототипом для образа Федора Жухрая.

Петлюровцы схватили Николая и жестокими пытками хотели заставить его назвать имена шепетовских большевиков. Мужественно перенес он побои, не дрогнул перед угрозой расстрела. Ни слова не добились от него враги. Только благодаря счастливой случайности ему удалось освободиться.

20 июля 1919 года Николай Островский одним из первых в Шепетовке вступил в комсомол и возглавил первую в городе комсомольскую ячейку.

Впоследствии в письме Шепетовской окружной комсомольской конференции Николай Островский напишет: «В 1919-м в Шепетовке нас было пятеро комсомольцев. Героически боролись первые комсомольцы против польских панов, петлюровщины и бандитизма».

Имена первых шепетовских комсомольцев – бывших товарищей и друзей Николая Островского: Миша Левчук, Сережа и Валя Брузжак, Иван Жаркий – названы в романе «Как закалялась сталь» под своими подлинными фамилиями.

Тысячу раз прав был Николай Островский, когда в черновом варианте речи перед делегатами IX съезда комсомола Украины писал:

«Случалось так, что вместе с комсомольским билетом мы получали ружье и 200 штук патронов».

Такова была судьба и первых шепетовских комсомольцев, и самого Николая Островского.

Когда осенью 1919 года красные части снова временно покидали Шепетовку, 15-летний Николай Островский, тайно от родителей, ушел с ними сражаться за Советскую власть.

На фронте он пробыл вплоть до августа 1920 года. В боях за Львов юноша был контужен и тяжело ранен в голову и в живот. И в этой связи по состоянию здоровья его уволили из рядов Красной Армии.

Необходимое отступление

...До настоящего времени находятся люди, которые высказывают сомнения по вопросу участия Николая Островского в гражданской войне, на том основании, что в архивах не найдены документы, подтверждающие этот факт. Известный исследователь биографии и творчества писателя Л.Аннинский логично и справедливо замечает:

«...Вот бумажные души-то! Да в огне гражданской войны какие бумаги не горели! И какие не сгоревшие бумаги убедят скептиков, если шрам над глазом Островского их не убеждает!» («Николай Островский – человек и писатель – в воспоминаниях современников (1904–1936)». Изд. «Дружба народов», М., 2002, стр. 8–9).

Сотрудники Шепетовского музея Николая Островского на основе сопоставления и изучения многих материалов этого периода жизни Николая Островского пришли к следующему заключению: «Да, Островский воевал, но этот факт не зафиксирован документально, ведь возраст Николая был не призывной. Но, как любого 16-летнего мальчишку, его звала революционная романтика. Да и не будь свидетелем боев, он не смог бы позже в романе «Как закалялась сталь» описать так ярко и образно участие Павки Корчагина в гражданской войне». (Там же, стр. 16).

Обратимся к другим свидетельствам.

Д.Г.Чернопыжский – член Шепетовского ревкома в 1919 – 1920 гг. вспоминает:

«Летом 1920 года войска панской Польши снова вторглись в пределы Советской Украины. Проникшись беззаветной любовью к своей Родине, Коля Островский добровольно ушел на фронт...» (Там же, стр. 45).

Г.П.Барский – участник гражданской войны. В 20-е годы работал в Берездовском районе, хорошо знал Николая Островского:

«...Наша 45-я стрелковая дивизия была переброшена на борьбу с белополяками, и в районе Шепетовки я впервые встретился с Колей Островским. Он пришел в дивизию бойцом. Запомнил я его потому, что он хорошо играл на гармонии. Николай Островский был во второй бригаде Котовского, оттуда буденовцы переманили его в Первую Конную Армию, потому что он был хорошим гармонистом, а его привлек буденовский шлем...» (Там же, стр.44).

Д.А.Островский – старший брат писателя: «...В Шепетовку снова пришли враги. Красная Армия вынуждена была отступить. Вместе с ней ушли шепетовские руководители. Ушел и брат. Радостным событием был день, когда Красная Армия вновь вошла в Шепетовку. Вернулся в родной город и Николай. Ему тогда было только 16 лет... В августе 1920 года Николай снова уходит на фронт. Вскоре... он был тяжело ранен». (Там же, стр.45).

О.О.Островская, мать Николая Островского: «Коля долго не возвращался домой. Прошло два-три месяца. Приехал один парень из Киева и говорит мне: «Вы знаете, где ваш Коля?» Я так и подскочила: «Где?» Он говорит: «Коля лежит в Киеве, в госпитале, раненый... Коля просил, чтобы я вам не говорил. Когда вылечится – приедет...» (Там же, стр. 47).

Вот все... что мне удалось обнаружить по вопросу участия Николая Островского в гражданской войне.

В книге «Как закалялась сталь», в 8-й главе первой части Николай Островский рассказывает о том, как Павел Корчагин был контужен и тяжело ранен:

«19 августа 1920 года в районе Львова Павел потерял в бою фуражку. Он остановил лошадь, но впереди уже срезались эскадроны с польскими цепями. Меж кустов лошадника летел Демидов. Промчался вниз, к реке, на ходу крича:

– Начдива убили!

Павел вздрогнул. Погиб Летунов, героический его начдив, беззаветной смелости товарищ. Дикая ярость охватила Павла.

Полоснув тупым концом сабли измученного, с окровавленными удилами Гнедка, помчал в самую гущу схватки.

– Руби гадов! Руби их! Бей польскую шляхту! Летунова убили! – и сослепу, не видя жертвы, рубанул фигуру в зеленом мундире. Охваченные безумной злобой за смерть начдива, эскадронцы изрубили взвод легионеров.

Вынесли на поле, догоняя бегущих, но по ним уже была батарея; рвала воздух, брызгая смертью, шрапнель.

Перед глазами Павла вспыхнуло магием зеленое пламя, громом ударило в уши, прижгло каленым железом голову.

Страшно, непонятно, закружилась земля и стала поворачиваться, перекидываясь на бок.

Как соломинку вышибло Павла из седла. Перелетая через голову Гнедка, тяжело ударился о землю. И сразу наступила ночь...» (Николай Островский. Собр. соч. в трех томах. Том 1. Госиздат «Художественная литература». М., 1955, стр.183).

А теперь обратимся к началу следующей главы, к дневнику, который вела младший врач клинического военного госпиталя Нина Владимировна:

«26 августа 1920 года. Сегодня к нам из санитарного поезда привезли группу тяжелораненых. На койку в углу у окна положили красноармейца с разбитой головой. Его фамилия – Корчагин.

Раненый в беспамятстве... с 19 августа.

27 августа. Сегодня осматривали рану Корчагина. Она очень глубока, пробита черепная коробка, от этого парализована вся правая сторона головы. В правом глазу кровоизлияние. Глаз вздулся.

...Раненый все время бредит, мечется, около него приходится постоянно дежурить. Я отдаю ему много времени. Мне очень жаль его юность, и я хочу отвоевать ее у смерти, если мне удастся...

30 августа. Корчагин все еще в сознание не пришел. Он лежит в особой палате, там лежат умирающие... Теперь и я чувствую, что его положение безнадежно.

2 сентября. Одиннадцать часов вечера. Сегодня у меня замечательный день. Мой больной, Корчагин, пришел в себя, ожил. Перевал пройден. Последние два дня я не уходила домой. Сейчас не могу передать своей радости, что спасен еще один.

10 сентября. Я написала сегодня первое письмо Корчагина к родным. Он пишет, что легко ранен, скоро выздоровеет и приедет; он потерял много крови, бледен, как вата, еще очень слаб.

14 сентября. Корчагин первый раз улыбнулся. Улыбка у него хорошая. Обычно он не по годам суров.

...Вчера он спросил:

– Что это у вас, доктор, на руке черные пятна?

Я смолчала, что это следы его пальцев, которыми он до боли сжимал мою руку во время бреда...

17 сентября. Рана на лбу Корчагина выглядит хорошо. Нас, врачей, поражает это поистине безграничное терпение, с которым раненый переносит перевязки.

...Уже все знают, если Корчагин стонет, значит, потерял сознание. Откуда у него это упорство? Не знаю...

8 октября. Я знаю, почему он не стонал и вообще не стонет. На мой вопрос он ответил:

– Читайте роман «Овод», тогда узнаете...

14 октября. Корчагин выписался. Мы с ним расстались очень тепло. Повязка с глаза снята, осталась лишь на лбу. Глаз ослеп, но снаружи вид нормальный. Мне было очень грустно расставаться с этим хорошим товарищем.

Так всегда: вылечиваются и уходят от нас, чтобы, возможно, больше не встретиться. Прощаясь, Корчагин сказал:

– Лучше бы ослеп левый, – как же я стрелять теперь буду?

Он еще думает о фронте...» (Там же, стр. 185, 186, 187, 188, 189).

П.Н.Новиков – один из самых близких друзей Николая Островского – вспоминал:

«Первый раз я встретился с Николаем Островским в январе 1921 года... в Киеве, на железнодорожном вокзале в ожидании поезда искал место, где присесть. На одном из дубовых диванов с краю сидел паренек... в солдатской шинели и буденовке... Примостился рядом с ним... Познакомились: «Николай Островский. Комсомолец».

– А это у тебя откуда? – спросил я, указывая на шрам, сияющий над правым глазом.

– Был в Первой Конной. Ранило осколком снаряда в голову и вот сюда, в живот. Долго лечился в госпитале. Думали, умру, но, как видишь, живой. Сейчас еду на побывку домой, в Шепетовку...» («Николай Островский – человек и писатель – в воспоминаниях современников (1904–1936)», Изд. «Дружба народов», М., 2002, стр.45–46).

...После госпиталя Николай приезжает к матери в Шепетовку, и первое место, куда он пошел, как вспоминал брат писателя Дмитрий Алексеевич, была братская могила его юных боевых друзей – шепетовских подпольщиков, казненных врагом. Здесь, глубоко взволнованный, он дает клятву: все силы и всю жизнь отдать борьбе за счастье трудового народа.

Впоследствии в романе «Как закалялась сталь» Николай Островский с неповторимой силой воспроизвел слова той клятвы, ставшие надежным компасом и законом жизни миллионов юных героев советской эпохи, многих поколений советских людей: **«Самое дорогое у человека – это жизнь. И её надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить, ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут оборвать жизнь...».**

Всей своей жизнью Николай Островский оправдал эту священную клятву.

Несмотря на крайне разрушенное здоровье, Николай Островский не выбыл из строя. С таким же героизмом и самоотверженностью, как и на фронте, он участвует в активной созидательной борьбе за строительство нового общества, за социализм.

Николай Островский всегда находился на переднем крае борьбы. В Киеве он работает помощником электромонтера и секретарем комсомольской ячейки железнодорожных мастерских. Затем по призыву Киевского губкома КП(б)У вместе со своими комсомольцами Николай Островский участвует на строительстве узкоколейки Боярка-Киев для подвоза дров в замерзшую столицу Советской Украины.

Строительство узкоколейки явилось труднейшим из самых трудных экзаменов для первого поколения киевских комсомольцев, настоящим коллективным подвигом. Николай Островский с огромным художественным мастерством и суровой правдивостью рассказал об этом на страницах своей книги «Как закалялась сталь».

Николай Островский являл собой пример подлинного героизма и стойкости в тяжелейших условиях сооружения железнодорожной ветки. Когда основные трудности были уже преодолены, и строительство узкоколейки шло к концу, Николай Островский тяжело заболел тифом. В бессознательном состоянии, без надежды на выздоровление он был отправлен в Шепетовку. Матери удалось выводить его, отстоять от смерти. Но жестокая болезнь не прошла бесследно. По заключению врачебной комиссии, 18-летний Николай Островский был признан нетрудоспособным, инвалидом 1-й группы. Однако лишь после смерти писателя в его бумагах было обнаружено и стало известным свидетельство об инвалидности. Вопреки врачебному заключению, Николай Островский продолжает работать с полным напряжением сил, с прису-

щей ему энергией. Правда, ему пришлось переменить профессию. Теперь он – комсомольский работник.

С огромным энтузиазмом работал Николай Островский секретарем райкома комсомола в пограничных – Берездовском, а затем Изъяславском районах. Десятки комсомольских ячеек он создал в глухих пограничных селах.

В 1924 году 20-летний Николай Островский возглавил Шепетовский окружком комсомола. В августе 1924 года, в период ленинского призыва, Николая Островского принимают в партию, «как самого выдержанного и стойкого комсомольца».

Нельзя не вспомнить замечательные слова Николая Островского о Коммунистической партии, о личном и общественном. «В чем радость жизни вне ВКП(б)? Ни семья, ни любовь – ничто не дает сознания наполненной жизни. Семья – это несколько человек, любовь – это один человек, а партия – это 1 600 000. Жить только для семьи – это животный эгоизм, жить для одного человека – низость; жить только для себя – позор!» (Николай Островский. Собр. соч. в трех томах. Том 3. Изд. художественной литературы. М., 1956, стр.73).

...В середине 20-х годов начинается один из самых трудных периодов жизни Николая Островского. Жестокая болезнь, порожденная полученными на фронте контузией и тяжелыми ранениями, обостренная тифом и напряженным трудом последних лет, все больше давала о себе знать и вскоре оторвала его от любимой работы. Вот строки из его автобиографии, предельно четко рассказывающие об этом периоде «С 1925 по 1930 год жил в Новороссийске, Сочи, Москве. Не работал, лечился. Партия и комсомол сделали все, чтобы вернуть меня к работе, но вылечить не удалось».

Николай Алексеевич Островский лечился в многочисленных клиниках и санаториях. Ему было сделано несколько операций. Но состояние здоровья не улучшалось. Чтобы избежать обострения болезни, врачи рекомендовали ему жить на юге. Николай Островский поселяется в Новороссийске, в семье близких друзей его матери.

В это время Николай Алексеевич живет уже с ясным сознанием своей неизлечимости. Он категорически отказывается от каких бы то ни было новых операций, которые проходили болезненно и крайне неудачно: *«Точка. С меня хватит. Я для науки отдал часть крови, а то, что осталось, мне нужно для другого. Врачи не учли качество материала, из которого создан большевик. Я буду жить и работать до последнего удара сердца».*

Именно здесь, в Новороссийске, болезни загнали его в угол. Были у него и минуты мучительных сомнений, когда он спрашивал себя: «Стоит ли жить в таком положении? Не лучше ли расстрелять предавшее тело?» Но Николай Островский осудил такой уход из жизни, как дезертирство, и решил бороться до конца.

Это был, пожалуй, один из самых драматических эпизодов в его жизни и в жизни будущего героя его книги – Павла Корчагин. Вот как отражен этот эпизод в книге «Как закалялась сталь»:

«В старом загородном парке тихо. Заросли травой давно не чищенные дорожки, и медленно падает на них желтый, убитый осенью кленовый лист...

Сюда, в эту тишину, приехал он, чтобы подумать над тем, как складывается жизнь, и что с этой жизнью делать. Пора бы подвести итоги и вынести решение...

Корчагин обхватил голову руками и тяжело задумался. Перед его глазами пробежала вся его жизнь, с детства и до последних дней. Хорошо ли, плохо ли он прожил свои двадцать четыре года? Перебирая в памяти год за годом, проверял свою жизнь, как беспристрастный судья, и с глубоким удовлетворением решил, что жизнь прожита не так уж плохо. Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию. Самое же главное – не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть, и на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови.

Из строя он не уходил, пока не иссякли силы. Сейчас, подбитый, он не может держать фронт, ему оставалось одно – тыловые лазареты. Помнил он, когда шли лавины под Варшаву, пуля срезала бойца. И боец упал на землю, под ноги коня. Товарищи наскоро перевязали раненого, сдали санитарам и неслись дальше – догонять врага. Эскадрон не останавливал свой бег из-за потери бойца. В борьбе за великое дело так было и так должно быть. Правда, были исключения. Видел он и безногих пулеметчиков на тачанках – это были страшные для врага люди, пулеметы их несли смерть и уничтожение. За железную выдержку и меткий глаз стали они гордостью полков. Но такие были редкостью.

Как же должен он поступить с собой сейчас, после разгрома, когда нет надежды на возвращение в строй?... Что же делать? Угрожающей черной дырой встал перед ним этот неразрешенный вопрос.

Для чего жить, когда он уже потерял самое дорогое – способность бороться? Чем оправдать свою жизнь сейчас и в безотрадном завтра чем заполнить ее? Просто есть, пить и дышать? Остаться беспомощным свидетелем того, как товарищи с боем будут продвигаться вперед? Стать отряду обузой? Что, вывести в расход предавшее его тело? Пуля в сердце – и никаких гвоздей! Умел неплохо жить, умею вовремя и кончить. Кто осудит бойца, не желающего агонизировать?

Рука его нащупала в кармане плоское тело браунинга, пальцы привычным движением схватили рукоять. Медленно вытащил револьвер.

– Кто бы мог подумать, что ты доживешь до такого дня?

Дуло презрительно глянуло ему в глаза. Павел положил револьвер на колени и злобно выругался.

– Всё это бумажный героизм, братишка! Шлепнуть себя каждый дурак сумеет всегда и во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить – шлепайся. А ты попробовал эту жизнь победить? Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему? Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай! Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной...» (Николай Островский. Собр. соч. в трех томах. Том 1. «Как закалялась сталь». М., 1955, стр. 382–384).

Эти слова Павла Корчагина, главного героя романа «Как закалялась сталь», были жизненным кредо и Николая Островского. В своем письме к Анне Давыдовой он писал:

«Только мы, такие, как я, так безумно любящие жизнь, ту борьбу, ту работу по постройке нового, много лучшего мира, только мы, прозревшие и увидевшие жизнь всю, как она есть, не можем уйти, не можем вывести себя в расход, пока не останется хоть один шанс».

Николай Островский твердо решает – жить и сделать жизнь полезной...

Именно в эти драматические дни он заключил «союз» с младшей дочерью в семье друзей его матери – Раисой Порфирьевной Мацюк. В книге она названа Таей Кюцам. Они поженились...

Николай Алексеевич по праву называл жену своей «политической воспитанницей». Он уделял внимание ее общему и политическому образованию, подготовил к вступлению в партию. И Раиса Порфирьевна, бывшая в то время уборщицей, впоследствии многие годы возглавляла музей Николая Алексеевича Островского в Москве.

Сам он весь отдался чтению, проводя целые дни в библиотеке. Бывший заведующий библиотекой Новороссийского порта Хоруженко впоследствии вспоминал: «Это был самый неистовый читатель. Он мог просиживать над книгами от открытия до закрытия библиотеки да ещё уносил стопку книг, уходя домой. А когда потерял возможность двигаться и бывать у нас, в библиотеке, мы стали приносить ему книги домой. Читали их ему, сменяя друг друга до заплетения языков».

Стремясь оставаться полезным человеком общества, участвовать в созидательном труде, он принимает решение упорно готовиться к литературной работе. Только в этом он видит оправдание и смысл своей жизни и во имя достижения этой цели мобилизует все свои силы, волю, мужество. Иного пути для него не было, так как надежды на выздоровление не оправдались, болезнь продолжала прогрессировать. Окостенение суставов постепенно сковывало его, делало неподвижным.

В конце 1926 года для ухода за ним приезжает из Шепетовки мать – Ольга Осиповна. «Застала я Колю совсем беспомощным, он не мог даже умыться сам», – рассказывала она. С тех пор мать была безотлучно при нем, и Николай Алексеевич называл её с любовью «бессменной ударницей», своим «верным часовым».

Чувствуя потребность в программной, систематической учебе, Н.А.Островский в 1927 году оформляется на заочное обучение в Коммунистический университет имени Свердлова. Учиться было неимоверно трудно, но трудности не могли сломить его неукротимого стремления подготовиться к творческой работе. Настойчиво и упорно шел он к цели, к овладению оружием художественного слова.

«Больше всего я учился, когда заболел, – справедливо говорил впоследствии Н.А.Островский. – У меня появилось свободное время. Огромная работа над собой сделала из меня интеллигента».

Николай Островский не только сам учился, но и политически просвещал других. По его просьбе к нему прикрепили молодежь, и он вел политкружок. Так, прикованный к постели тяжелым недугом, он оставался партийным пропагандистом, и в этой связи партия и комсомол были источником его моральной силы.

В то же время Н.А.Островский делает первую свою литературную пробу: в 1927–1928 гг. в течение пяти месяцев работает над «Повестью о котовцах». Повесть была послана в Одессу и одобрена котовцами, но на обратном пути единственный экземпляр рукописи был безвозвратно потерян почтой. Николай Алексеевич мужественно пережил это потрясение.

...Осенью 1928 года болезнь уготовила для него новый удар: обостряется воспаление обоих глаз. Оно длится три месяца и приводит почти к полной потере зрения. Что происходило с ним в эти трудные месяцы, рассказывает его письмо от 2 ноября 1928 года к своему другу П.Новикову: «Меня ударило по голове ещё одним безжалостным ударом – правый глаз ослеп совершенно. В 1920 году мне осколком разбило череп над правой бровью и повредило глаз, но он видел все же на 4/10, теперь он ослеп совсем. Почти три месяца горели оба глаза (они связаны нервами): когда один болит и другой за ним, и я 4,5 месяца ни газеты, ни книги, ни письма прочесть не могу, а пишу наугад, не видя строчек, по линейке, чтобы строка на строку не находила. Левый глаз видит на пять сотых, одну двадцатую часть. Придется делать операцию – вставить искусственный зрачок и носить синие очки.

Сейчас я в темных очках все время. Подумай, Петя, как тяжело мне читать. Комвуз мой пропал, я заявил о невозможности из-за слепоты продолжать учиться и вообще не знаю, если не удастся вернуть глаз хоть один к действию, то мне придется решать весьма тяжелые вопросы. Для чего тогда жить? Я, как большевик, должен буду вынести решение о расстреле организма, сдавшего все позиции и ставшего совершенно не нужным никому, ни обществу, а тем самым и мне... Я так забежал в угол и морально и физически...»

Под знаком «минус» прошел и 1929 год. «Этот минус, ещё немножко увеличившись, может зачеркнуть жизнь», – писал Николай Алексеевич.

Напомню о возрасте Николая Островского: ему шел тогда двадцать пятый год. Чтобы понять всю меру мужества этого человека, нужно знать меру его страданий. Помимо слепоты и неподвижности, врачи находили у него порок сердца, катар обеих верхушек легких и воспаление почек. А ко всему этому ещё болезнь желудка, постоянно изнуряющие организм гриппы...

Вот строки из писем матери и жены тех дней, которые во многом раскрывают состояние Николая Алексеевича:

«Ох, какие мучения он, бедняга, переживает. Недели три-четыре тому назад у него был страшный сердечный припадок, во время которого у него в горле было слышно предсмертное клокотание», – с бесконечной горечью писала мать.

А это из письма жены: «Коля лежит навзничь все время, как из Мацесты приехал, и ноги не поднимает сам, если её не поднять, и рукой дальше не достает, только до рта, а до волос не поднимает руки. С боку на бок не переворачивается, и лечь не может на бок, а только все время лежит на спине. С глазами у него плохо, почти ничего не видит. И врач ему через три дня делает укол в руку и около глаза – готовится к операции. Аппетит у него плохой. И места себе не приберет. Одним словом, горе... Что он переносит, это нечеловеческие силы нужны!».

Но если «предательское тело» сдавало одну позицию за другой, то его воля все больше закалялась, не сдавала ни одной позиции. Николай Алексеевич в дни жестокой борьбы с недугом приходит к выводу, что физические боли можно заглушить, отвлечься от них, наконец, сжав губы, перетерпеть. Он долго тренировал себя в умении держать нервы в «кулаках», не раскисать. В беседе с врачом М.К.Павловским Николай Островский говорил: «Если я хоть бы на минуту разжал кулак, произошло бы непоправимое несчастье. Как и другие больные, я сначала требовал то подтянуть одеяло, то поправить подушку и прочее. Но постепенно я стал так устанавливать свою психику, чтобы не замечать донимающих меня мелочей, а также жжения в суставах разнообразных болей. Если поддаваться всем этим ощущениям и стать их рабом, то можно сойти с ума. Я добился того, что мог выключить боль на любом участке тела... Работая над собой, я научился переключать сознание на серьезные вопросы, не обращая внимания на крики моего тела...»

А вот строки из письма Николая Островского А.А.Жигиревой, написанного в ноябре 1928 года: «Я иногда с сожалением думаю, сколько энергии, бесконечного большевистского упрямства у меня уходит на то, чтобы не удариться в тупик.

Будь это потрачено производительно, было бы достаточно пользы. Вокруг меня ходят крепкие, как волы, люди, но с холодной, как у рыб, кровью, сонные, безразличные, скучные и размагниченные. От их речей веет плесенью, и я ненавижу, не могу понять, как здоровый человек может скучать в такой напряженный период. Я никогда не жил такой жизнью и не буду жить...»

Н.А.Островский мобилизовал колоссальную память, все свои духовные силы на достижение намеченной цели. Он не только мужественно переносил все новые удары болезни, но и продолжал настойчиво учиться. Он нашел возможность продолжить учебу и в Коммунистическом университете даже тогда, когда вместе с потерей зрения отнята была, казалось, последняя возможность учиться. Он слушал лекции для заочников по радио при помощи маленького детекторного приемника и наушников, которые установили в его комнате сочинские комсомольцы – его новые юные друзья. И его усилия не пропали даром: он успешно закончил два курса университета.

Героический характер Николая Островского – прекрасное творение советской эпохи. «Партия воспитывает в нас священное чувство – бороться до тех пор, пока в тебе есть искра жизни», – говорил Николай Островский, обращаясь к зарубежным друзьям. Они были преисполнены глубокого уважения к этому мужественному человеку. Ромен Роллан назвал Николая Островского – слепого и парализованного, терзаемого страшными нечеловеческими страданиями, – «горящим факелом активности». И он был прав. Разгромленный физически, терзаемый нечеловеческими страданиями, Николай Островский провозглашал: «Итак, да здравствует упорство! Побеждают только сильные духом! К черту сопливых нытиков!»

Николаю Островскому удалось разорвать железное кольцо, вернуться в строй с новым оружием – художественным словом.

Он давно знал, о чем поведать молодому поколению, идущему на смену. Это будет исповедь воина революции, которого никакие испытания не могли заставить отступать. В огне гражданской войны и в мирных строительных буднях закалялось поколение, к которому он принадлежал. Поэтому Николай Островский и назвал свою книгу «Как закалялась сталь».

В ту пору, когда «контрольная черточка» его жизни достигла предела, и казалось, что наступил конец, он ринулся на прорыв.

В письме Н.А.Островского своему другу Петру Новикову от 11 сентября 1930 года он писал: «У меня есть план, имеющий цель наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни. Я о нем сейчас писать не буду, поскольку это проект. Кратко – это касается меня, литературы и издательства "Молодая гвардия"... План этот очень трудный и сложный... Если удастся реализовать, тогда поговорим. Вообще же unplanned у меня нет ничего. В своей дороге я не «петляю», не делаю зигзагов. Я знаю свои этапы, и пока мне нечего лихорадить. Я органически, злобно ненавижу людей, которые под беспомощными ударами жизни начинают выть и кидаться в истерику, по углам. То, что я сейчас прикован к постели, не значит, что я больной человек. Это неверно. Это чушь! Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не двигаются ноги, и я ни черта не вижу... сплошное недоразумение, идиотская шутка, сатанинская! Если сейчас мне дать хоть одну ногу и один глаз, я буду такой же скаженный, как и любой из вас, дерущихся на всех участках нашей стройки».

Потрясающее по силе воли письмо! В нем дерзкий вызов, брошенный смерти в момент, когда она готова была торжествовать.

План возвращения к жизни, намеченный Николаем Островским, ясен. Врачи бессильны; они не могут остановить разрушительный процесс в его организме. Ему никогда уже не встать, ничего не увидеть, никогда уже не шагнуть. Ну и что же! «До тех пор, пока у большевика стучит в груди сердце, он не вправе признавать себя побежденным!» – таков был девиз жизни писателя.

Можно смело сказать, что ни одно литературное произведение не создавалось в таких трудностях, какие пришлось преодолеть Николаю Островскому в его работе над книгой «Как закалялась сталь». В те дни он писал П.Н.Новикову: «Нечеловеческая трудность в работе, но я упряма, как буйвол».

Вспоминая о первых творческих шагах Николая Островского весной 1930 года, сделанных им в московской комнате в доме по Мертвому переулку, его жена Раиса Порфирьевна рассказывает:

«...Как-то в апреле вечером, когда я вернулась с работы, Николай встретил меня со словами: «Кончай скорее со своими домашними делами! Перепиши несколько страниц, написанных мною»... Я села переписывать. Конечно, я не расспрашивала... просто переписала – и все. На следующий день прочла. Я еще не поняла, что это будет. Я поняла одно: теперь в этих записях – весь смысл его жизни. Прослушав записанное, он многое тут же переделал».

Среди массы трудностей, создаваемых острейшими приступами тяжелых недугов, самым сложным в писательской судьбе Николая Островского была слепота.

Как говорил сам Николай Алексеевич, писать слепому очень трудно, но не невозможно. Плохо повинующимися пальцами слепой писатель сжимал карандаш и медленно чертил на ощупь букву за буквой. Часто строка наползала на строку и гибла.

Потом Николай Алексеевич изобрел транспарант: картонную папку с прорезами для строк. Сестра писателя – Екатерина Алексеевна Островская, жившая в то время при нем, а впоследствии работавшая многие годы директором Сочинского Дома-музея Николая Островского, вспоминала: «По ночам, когда гасили свет, наступала тишина, Николай Алексеевич работал один. С вечера ему вкладывали в транспарант 25–30 листов чистой бумаги. Не отры-

вая от папки карандаша, он исписывал страницу до конца, а затем левой рукой выталкивал листок из папки, пока не заканчивалась ночная «порция». Только тогда он считал, что право на законный отдых завоевано».

Да и сам Николай Островский говорил: «Я засыпаю усталый, но глубоко удовлетворенный. Прожит ещё один день жизни самый обыденный, прожит хорошо...»

...По утрам, собирая эти исписанные листки на полу, иногда находили расщепленный в ярости карандаш. Нередко видели, что губы Николая искусаны до крови. Но это не было отчаяние. Это было яростное сопротивление болезни. И работа продвигалась вперед.

В борьбе за возвращение в строй Николай Островский мобилизовал всю свою волю, все упорство и мужество. Находясь в самом безнадежном положении, он не сдавался: «Видел таких чудаков? Нашли у меня сто процентов потери трудоспособности, – отбивался он от врачей. – Разве можно считать нетрудоспособным большевика, у которого все еще стучит сердце?»

Сознание того, что он может скоро погибнуть, не обессиливало его, а наоборот, мобилизовывало все его силы для постоянной борьбы с тяжелой болезнью. Основным средством борьбы, как видно из слов самого писателя, была работа над книгой. «Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила... – читаем мы в одном из его писем этого периода. – Я должен, я страстно хочу получить «путевку» в жизнь!»

Приглашать секретаря было не по средствам. Сестра и жена возвращались с работы поздно, усталые, и не могли оказать серьёзной помощи. Писали под его диктовку друзья, соседи.

В то время, с конца 1930 по июнь 1932 года Николай Островский жил в Москве. Приехал он сюда по крайней необходимости: попытаться спасти хотя бы малость зрения. Но в клинике профессор Авербах прямо сказал, что вернуть зрение невозможно. И тогда, как писал сам Островский в книге «Как закалялась сталь», его герой Павел Корчагин впервые обратился в ЦК партии за помощью. В ответ на его письмо Моссовет дал ему комнату: «Скромная комната в тихом переулке Кропоткинской улицы показалась верхом роскоши», – пишет он в последней главе «Как закалялась сталь».

А в действительности, из писем самого писателя узнаем: «Работаю... в отвратительных условиях. Покоя почти нет». И еще: «Москва губит сырой до края комнатой».

Это московское пристанище Николаю Островскому было предоставлено в двухэтажном тогда доме № 12 по Мертвому переулку, рядом с Кропоткинской улицей (впоследствии дом стал четырехэтажным).

Рассказывает один из ближайших друзей Николая Островского Семен Трегуб, в то время – заместитель заведующего литературным отделом газеты «Комсомольская правда»: «Не раз уже я приходил сюда, чтобы зримо представить себе условия жизни Островского. Они были тогда отнюдь не такими, как позже в Москве, на улице Горького или в Сочи. Островский занимал здесь, в большой коммунальной квартире, комнату в семнадцать квадратных метров, точнее половину былой комнаты, перегородженной теперь на две части и потому ставшей узкой и длинной. В ней жила его семья: мать, жена, сестра. Наезжали и родственники. Негде было буквально повернуться...» (Семен Трегуб. «Живой Корчагин». Изд. «Советская Россия», М., 1968, стр.135).

Здесь были написаны многие главы первой части книги «Как закалялась сталь». И огромную помощь в этом ему оказал его первый «добровольный секретарь» Галя Алексеева. Она, единственный из многих секретарей, работавших с Николаем Островским, – названа в книге «Как закалялась сталь» своим именем и своей фамилией.

Восемнадцатилетняя Галя Алексеева была соседкой Островских по московской квартире. Она отозвалась на просьбу матери писателя, Ольги Осиповны.

Впоследствии она вспоминала: «...Мы начали работать. Я ознакомилась с уже написанными главами. Листки, лежавшие сверху...Николай Алексеевич попросил прочитать ему

вслух. Читая, я поняла, какая у него удивительная память: он безошибочно подсказывал мне слова, когда я с трудом разбирала текст, замедляла чтение, или точно указывал, сколько нужно перевернуть страниц, чтобы отыскать нужную ему фразу...

Мельком взглядывала на него: лицо подвижно, глаза живые, лучистые. В часы труда, особенно плодотворного труда, кажется, что Островского оставила болезнь. Но стоит кому-нибудь войти в комнату, и все нарушается.

Николай начинает подбирать слова, с трудом восстанавливая последовательность событий в рассказе, иногда возвращается к уже написанным строкам. Лицо его сразу становится большим и утомленным. Лоб покрывается мелкими капельками пота. Он просит пить...

Диктуя, Николай полностью отдается во власть событий и образов. Он говорит внятно и выразительно, почти без пауз...

И все же бывали такие дни, когда он совсем не мог работать. Начинался период острых головных болей, и работа прекращалась. Боль в голове резкая, мучительная, отвлекала, не давала возможности сосредоточиться...»

Убежден, читатели книг Семена Трегуба о Николае Островском бесконечно благодарны ему за то, что он написал об этом добром друге и безупречном помощнике писателя. Вот страницы его книги:

«Сейчас я пришел в этот дом не только для того, чтобы снова заглянуть в столь знакомую мне комнату Островского. Давно хотелось написать о милом и добром друге, о котором он писал с неизменной нежностью (в романе и в письмах), и который в силу своей скромности до сих пор остается в тени. Я имею в виду Галину Мартыновну Алексееву, ту самую Галю Алексееву, с которой мы впервые познакомились, читая последние страницы «Как закалялась сталь». Напомню:

«В одной квартире с Корчагиным жила семья Алексеевых. Старший сын, Александр, работал секретарем одного из городских райкомов комсомола. У него была восемнадцатилетняя сестра Галя, кончившая фабзавуч. Галя была жизнерадостной девушкой. Павел поручил матери поговорить с ней, не согласится ли она ему помочь в качестве секретаря. Галя с большой охотой согласилась. Она пришла, улыбающаяся и приветливая, и, узнав, что Павел пишет повесть, сказала:

– Я с удовольствием буду вам помогать, товарищ Корчагин. Это ведь не то, что писать для отца циркуляры о поддержании в квартирах чистоты.

С этого дня дела литературные двинулись вперед с удвоенной скоростью. Галя своим живейшим участием и сочувствием помогала его работе. Тихо шуршал ее карандаш по бумаге – и то, что ей особенно нравилось, она перечитывала по несколько раз, искренне радуясь успеху.

В доме она была почти единственным человеком, который верил в работу Павла, остальным казалось, что ничего не получится, и он только старается чем-нибудь заполнить свое вынужденное бездействие.

...Приходила Галя, шуршал по бумаге ее карандаш, и вырастали ряды слов о незабываемом прошлом. В те минуты, когда Павел задумывался, подпадал под власть воспоминаний, Галя наблюдала, как вздрагивают его ресницы, как меняются его глаза, отражая смену мыслей, и как-то не верилось, что он не видит: ведь в чистых, без пятнышка, зрачках была жизнь.

По окончании работы она читала написанное за день и видела, как он хмурится, чутко вслушиваясь.

– Что вы хмуритесь, товарищ Корчагин? Ведь написано хорошо!

– Нет, Галя, плохо...

Дописана последняя глава. Несколько дней Галя читала Корчагину повесть». (Николай Островский. Собр. соч. в трех томах. Том 1, М., изд. «Художественная литература», 1955, стр. 401–402).

По этим нескольким выдержкам из книги «Как закалялась сталь» можно представить себе, кем была для Николая Островского Галя Алексеева.

В октябре 1931 года работа над первой частью книги «Как закалялась сталь» была закончена. В ноябре 1931 года Николай Островский отправляет первые девять глав романа, перепечатанные на машинке, своему другу Александру Жигиревой в Ленинград.

«Я читала рукопись и плакала, – вспоминала она. – Коле я написала: «Я не литератор, но роман твой до души доходит». Я понесла рукопись в редакцию газеты «Гудок». Там ее продержали месяц, хвалили, но не печатали, боялись, не знали автора. Я забрала у них рукопись и пошла в отделение издательства «Молодая гвардия». И там тоже ухватились за рукопись, опять хвалили, продержали два месяца, но не печатали, и по той же причине: автор – неизвестный парень».

Та же участь постигла рукопись первоначально и в Московском издательстве «Молодая гвардия».

О том, в какой тревоге был в то время сам писатель, его жена Раиса Порфирьевна впоследствии рассказывала: «Как-то вечером, в один из выходных дней, мы с Ольгой Осиповой были рядом с Николаем.

«Если я получу безоговорочный отвод, это будет моей гибелью», – неожиданно сказал Николай. Мы вздрогнули. Помолчав несколько минут, он едва слышно закончил: «Чтобы вернуться в строй, я, кажется, сделал все... Да, все», – повторил он задумчиво.

Тем временем, на протяжении нескольких месяцев один из самых верных друзей Николая Островского Иннокентий Павлович Феденев настойчиво добивался публикации первых глав романа в издательстве «Молодая гвардия». И добился. Решающее слово сказали писатели: редактор журнала Анна Караваева и ее заместитель Марк Колосов. Впоследствии он писал: «...Я читал рукопись, не отрываясь... Нечасто встречались мне произведения, которые с первой страницы столь сильно заявляли о себе, раскрывая секрет своего обаяния так, что мы сразу исполняем доверия к автору... В тот же вечер я позвонил Анне Караваевой и написал отзыв для издательства. Было решено подписать и договор с Островским на отдельное издание книги...»

Об этом я позвонил Феденеву и условился с ним о дне встречи с автором. 21 февраля 1932 года вместе с Феденевым я приехал к Островскому».

О радостном волнении Николая Островского в те дни рассказывает Галя Алексеева: «... По просьбе редакции Николай написал свою автобиографию. Как всегда, он диктовал четко и быстро. Первая половина его письма в редакцию была посвящена работе над книгой. Затем следовала краткая биография писателя: «...Физически потерял почти все, остались только непоколебимая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу...»

Голос Николая звучал обычно, только палочка, которую он всегда держал в руках, скользнула по одеялу и упала на пол.

Неожиданно он оборвал начатую фразу. «Мама, выйди», – мягко сказал он. Я обернулась. В дверях стояла Ольга Осиповна, по ее лицу беззвучно текли слезы. Я вышла вслед за ней.

Когда через несколько минут я вернулась в комнату, Островский, ничего не говоря, спокойно продиктовал две последние фразы своей биографии».

Веское слово в те дни сказал Иннокентий Павлович Феденев. Об этом он впоследствии рассказывал: «...Товарищ Колосов тогда сделал очень много замечаний, но столько много замечаний, что напрашивался вопрос о переделке книги, и Колосов предложил, чтобы Николай Алексеевич взял на себя переделку этой книги.

Я же считал, что этого не нужно делать, и возражал против этого.

Николай Алексеевич и Колосов со мной согласились, и это было правильно, потому что я не знаю, вышла ли бы в свет эта книга».

«Зеленая улица» к печатанию романа была открыта. Еще раз обратимся к воспоминаниям Марка Колосова: «В дни подготовки к печати Островский тяжело заболел крупозным воспалением легких. 10 марта он писал Жигиревой: «В разгар болезни приезжают Феденев и Колосов и настояли о договоре на книгу. Я согласился и сейчас же от Колосова получил двести рублей. Они так были нужны».

Эти деньги равнялись полугодовой пенсии Островского. Он позвал Ольгу Осиповну и с волнением в голосе воскликнул: «Смотри, мама, я уже не иждивенец Родины, я – работник! Значит, мой труд нужен. Возьми эти деньги, и можешь теперь лучше питаться, моя родная!».

И тут же Николай Островский адресует свою радость милому добровольному секретарю: «Итак, Галочка, старт дан!».

Галя Алексеева не только писала под диктовку писателя главы первой части романа «Как закалялась сталь». Она читала Островскому газеты: сначала заголовки помещенных материалов, потом то, на чем задерживалось его внимание...

Читала книги. Часто писала письма Островского в Ленинград, Харьков, Новороссийск...

Она помогала Ольге Осиповне ухаживать за больным.

И он, смирившийся со своей физической беспомощностью, улыбался и тоже шутил по поводу того, что вот, мол, такой молодой парень «чихает и кашляет, как изнеженная барышня, а его носят, как спеленутое дитя...» (С.Трегуб. «Живой Корчагин». М., изд. «Советская Россия», 1968, стр.145, 146, 147).

Еще раз слово Гале Алексеевой: «Я искренне гордилась, когда слышала от него подтверждение своей причастности к его работе. Он говорил: «мы сделаем так...» «мы исправим...» «а теперь мы вот что напишем...»

Островский внимательно прислушивался к замечаниям «своего секретаря». Галя Алексеева была ведь не только его помощником, но и первым читателем. Он говорил ей:

– Когда я видел, с каким удовольствием ты перечитываешь отдельные места рукописи, я уже не сомневался в том, стоит ли мне продолжать работу... Если бы ты знала, как много значит вера в человека!» (С.Трегуб. Там же, стр.145).

Вскоре Николай Островский подарил ей свою книгу с благодарственной надписью: «Галочке Алексеевой – моему другу и помощнику, чьей рукой записаны главы этой книги. В память о совместной работе и нашего приятельства».

В июне 1932 года Островский навсегда покинул комнату в Мертвом переулке: поезд увез его в Сочи. Вместе с ним уехала Ольга Осиповна.

В Сочи Островский не раз вспоминал свою милую московскую соседку, ее «золотые руки», писал ей, надеялся на скорую встречу. Вот строки из писем Николая Островского Г.М.Алексеевой.

5 июля 1932 года он пишет: «В темпе отъезда я не мог проститься с тобой... Я пишу сейчас печальные страницы второго тома. Я буду тебе писать, не забывай и меня. Ведь у меня нет, как у моего друга, – девушки, губы которой тушат боль...»

26 августа 1932 года: «Милый товарищ Галя! Тружусь над первой главой второго тома. Сам пишу. Трудно это. Нет твоих ручонки – быстро бы рождались страницы...

Я хочу тебя, Галушенька, помучить: съезди или позвони в издательство «Молодая гвардия»... и узнай, когда же «сталь закалится»? Обещали выпустить к 25 августа... Напиши мне обо всем и о своем житье-бытье.»

15 октября 1932 года:

«Милая Галя! Привет в день пятнадцатого октября. Моя жизнь – это работа над второй книгой. Перешел на «ночную смену», засыпаю с рассветом. Ночью тихо, ни звука. Бегут, как в киноленте, события, и рисуются образы и картины...

Книга первая еще в печати... Много сроков слышит каждый автор от издательства. Ничего, теперь уже осталось ждать пару дней. Я сейчас же пришлю тебе, и ты прочти своим.

Уже недолго. Здоровье мое много лучше. Загорел, и, в общем, парень на большой палец. Не улыбайся, дитя, – «не такой уж горький я пропойца...». Ты о себе не пишешь. Как твои дни проходят... Ольга Осиповна шлет свой привет. Ожидаю от тебя большого письма. Ты прощай мне долгое молчанье и не забывай писать обо всей своей жизни, и маленькие горя, и небольшие радости... Не хватает второй книге двух ручонков».

16 января 1933 года: «Милая Галочка! Только что получил твое письмо. Я тоже думаю, что мы с тобой будем работать. Моя мечта – это возвратиться в Москву. «Молодая гвардия» поставила вопрос этот перед ЦК. Нужна ведь квартира. Работы же хватит нам с тобой по горло. Я не хочу рассказывать о своих сочинских секретарях, все они не стоят одной твоей ручонки. Это я с грустью утверждаю. Это просто служащие. Я плачу им 120 рублей, и они сухо и скучно работают.

Что писать и как писать, им безразлично, как все это не похоже на наше с тобой сотрудничество. Мне теперь ясна истина – мой секретарь должен быть моим другом, а не чужим человеком. Иначе говоря, нужен кто-то похожий на Гаю Алексееву... Я все жду рассказа о твоей жизни. Когда же тебя охватит откровение, и ты перестанешь прятать от меня свои маленькие и большие радости и печали? Если бы я был уверен, что письмо попадет лично к тебе, я написал бы несколько страниц о своей личной жизни.

Вторая книга будет много больше первой. К маю я обязан ее кончить. В мае она будет издана. Когда я буду посылать в издательство рукопись, то pošлю ее на твое имя, а ты залпом прочтешь и затем отвезешь в издательство.

Если я к лету в Москву не возвращусь, то, кто знает, возможно, встретимся здесь, в субтропическом Сочи».

13 мая 1933 года: «Милая товарищ Галя!

Бессовестно много дней молчания с обеих сторон. Нарушаю его. Весь с головой ушел в работу. Создаю последнюю главу второй книги, должную быть самой яркой и волнующей.

Расходую последние силы, за год настойчивой работы – устал. Первого июня книга будет уже в Москве. Месяц отдыха, и приступаю к новому труду. Еще и еще раз вспоминаю тебя в эти трудные дни, твои золотые руки. Секретариат у меня из рук вон.

Получил хорошую квартиру, в саду кругом цветы. Мама с племянницей Зиной девяти лет, пишущей это письмо, живут в одной комнате, а я в другой. Условия для работы хорошие, никто не мешает...

Как ты живешь, что у тебя хорошего, напиши мне обо всем. Читала ли ты отзывы о книге, если нет, то не прислать ли тебе некоторые из них. Вторую книгу пришлю, как только выйдет из печати. В последней главе будет несколько слов и о Гале Алексеевой, помогавшей Корчагину создавать его «Сталь». Жму твою ручонку. Н.О. Привет от мамы.»

5 октября 1933 года: «Милая Галя! Закружила меня молодежь – 29-го пятнадцать лет комсомола. Знай, отныне я – почетный комсомолец и вновь молод, как и ты. К юбилею комсомола мою книгу прорабатывают все ячейки и клубы Сочинского района.

Читают ее по радио. Приходят секретари: «Дайте вашу книгу!» а у меня нет.

Прошу тебя: сегодня же, Галочка, забеги в библиотеку и добудь хотя бы одну мою книгу и пошли мне заказной бандеролью. Деньги для расчета с библиотекой сейчас же пришлю. Кроме тебя, ни на кого не надеюсь...

...Сейчас же ответь мне. Я тебя не забываю... Добудь книгу, Галинка, обязательно. Жму ручонку. Привет от мамы. Николай Островский».

25 августа 1934 года: «Милая Галочка! Сегодня Катя (Екатерина Алексеевна – сестра писателя. Прим. И.О.) едет в Одессу, а оттуда в Киев. Она передаст тебе желанную вторую книгу, в ней есть несколько слов и о Гале Алексеевой, секретаре моего друга Павлуши. Обо мне тебе расскажет все Катя, поэтому в письме буду краток. Делается все, чтобы зимой я возвратился в Москву, но все решает ЦК.

Возможно, зимой встретимся. Мы тебя не забыли. Привет тебе от матушки. Набирайся сил, девочка, отдыхай, озоруй, но не очень. Жму твою ручонку. Николай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.